

— Если кто и справится с синдромом Зайцера¹, — сказал Сергей, — так это сам Зайцер.

Надя не среагировала. Эту мудрую мысль она слышала от мужа уже в сотый раз за сегодня.

Надежда смотрела на пустыню за окном. Пустыня из прохладного холла клиники смотрелась живописно, но Надя знала, что снаружи ад. Она перевела взгляд на дверь кабинета, возле которого они дежурили.

— Я поговорила с нашими, — сказала Надежда, — после лечения нужна еще реабилитация.

— Какая реабилитация? — удивился муж. — Я договор читал! Нет там никакой...

— Это отдельная услуга, — перебила жена. — Круглосуточное наблюдение под приборами. Три недели.

Сергей тяжело вздохнул:

— Сколько?

— Две тысячи евро.

Муж страдальчески скривился.

— Что?! — возмутилась Надя. — Речь идет о здоровье ребенка!

Сергей встал и прошелся, скользя взглядом по плакатам.

— Сплошной иврит, — постарался пошутить он. — Неужели трудно было на русском продублировать?

Спешащая мимо женщина в белоснежном халате тут же притормозила.

— Вам что-то перевести? — спросила она.

— Да нет, — улыбнулся Сергей, — мы сына ждем. Он у профессора Зайцера. На консультации.

Женщина ответила приветливой улыбкой, только глаза стали стеклянными.

— Ему уже четырнадцать, — продолжал Сергей, — а вы же знаете, что с синдромом Зайцера...

Надя дернула мужа за рукав.

— Прекрати, — сказала она. — Девушке это неинтересно. Извините.

Врач смущенно кивнула и поспешила дальше.

— Сядь, — приказала Надежда, — и не приставай к людям.

Сергей сел, но тут же поднялся, чтобы сходить к кулеру за водой.

— Вот увидишь, — сказал он, протягивая жене полный стаканчик, — Славке точно лекарство будет давать, а не

плацебо! Он у нас везучий вообще! С такой болезнью до четырнадцати...

Сергей не успел договорить. Дверь кабинета распахнулась, Надежда и Сергей разом обернулись к ней.

В двери стоял сам профессор: крепенький, лысенький, с насмешливыми глазками.

— Заходите, — сказал он.

В кабинете было еще прохладнее. Видимо, для директора клиники был предусмотрен индивидуальный кондиционер. Слава сидел на кушетке с отрешенным видом. Наде хватило короткого взгляда, чтобы понять — с сыном что-то не то. Худенький и хрупкий, он и так не выглядел на свой возраст, а сейчас вообще казался малышом. Наверное, потому что съезжился.

Зайцер вернулся за стол и уставился на родителей Славы со странным выражением.

— Ну что? — не выдержал Сергей. — Беретесь лечить?

— Слушайте, — сказал профессор, — вашему сыну кто диагноз ставил?

— Доцент Чистов, — ответила Надежда, — через три месяца после рождения. У Славика были...

— Да читал я! — поморщился Зайцер. — «Доцент»... Диссер, наверное, хотел защитить. Или просто запутался в симптомах!

Надежда растерянно посмотрела на мужа.

— Вы что хотите сказать? — Сергей не сводил глаз с профессора. — Что Слава...

— Нет, я правда не понимаю, — закатил глаза Зайцер, — этому «доценту» Чистову что, зарплату повышают за обнаружение редких болезней у совершенно здоровых людей?

Надежда оцепенела. Сергей открыл рот, но так ничего и не произнес.

— Короче, родители, — сказал профессор, — деньги за лечение я вам, само собой, верну на счет. Ну, за вычетом стоимости консультации. Нет у Вячеслава ни малейших признаков синдрома Зайцера. Это вам Зайцер говорит! Поздравляю!

Надя закрыла глаза, пошатнулась и свалилась бы на пол, если бы Сергей не успел ее поймать.

*

В номере Славка забился в кресло и уткнулся в телефон.

Не то чтобы там было много нового и интересного — Славе нужно было очухаться. Последние полчаса он чувствовал себя то ли участником шоу «Розыгрыш», то ли персонажем какого-то фантастического сериала.

Родители только усугубляли ситуацию. Мама делала вид, что поглощена отбором фотографий для очередного альбома «Слава — август 2017», но уже пять минут сосредоточенно смотрела на погасший экран смартфона.

Папа скакал по номеру, как кокер-спаниель: «Сегодня пойдем туда! А завтра туда! А что ты больше хочешь: нырять или на квадроциклах?» Чтобы отделаться, Славка выбрал ныряние.

Папа уже собирался умчаться за билетами, как взвилась мама:

— Мне сейчас с нашими надо встречаться!

— Ну так встречайся! — радостно ответил папа. — Слава — здоровенный лоб! Посидит в номере один. Славка, а хочешь, вместе сходим?

Слава замотал головой.

— Но его же нельзя одного... — начала мама и осеклась.

— Можно, Надя! Теперь все можно!

Папа умчался, мама тоже ушла.

И Славка впервые в жизни остался один.

До сего дня он мог уединиться только в туалете или душе — да и то с полуприкрытой дверью. Он вспомнил, как лет в шесть устроил бунт по этому поводу. Мама чуть не на коленях перед ним стояла: «Славочка, родненький! У тебя такая болезнь, что в любой момент... может страшное случиться! Это не потому, что ты маленький! Это из-за болезни... И не волнуйся, пожалуйста! Нельзя тебе волноваться!» Мама обнимала и покрывала его поцелуями с головы до ног. И Славка успокоился.

А теперь его начало колотить. Он включил телевизор, нашел русскоязычный канал, потом переключил на музыку — трясло все больше.

Он ведь даже спал в одной комнате с мамой. Точнее, мама спала в его комнате. И стоило ему во сне закашляться или начать как-то не так дышать — мама оказывалась у его изголовья, проверяла тонкими пальцами пульс на шее, прикладывала губы ко лбу.

Слава достал из холодильника бутылочку воды и выпил ее одним махом. Немного помогло. Вернулся в кресло, разбудил телефон. Открылась группа «Минус один». Пятьдесят шесть участников. Из них живых — сорок восемь.

Славка привычно пролистал ленту. Да, сегодня никто не минуснулся. А вот на прошлой неделе было сразу два минуса: Алёна из Ровно и Гришка из Амстердама.

О смерти участников группы остальные узнавали окольными путями и сразу выкладывали в ленту. Но аккаунты никто не удалял. Родители про «Минус один» не знали (иначе немедленно запретили бы и написали жалобу в ВК), а все остальные негласно договорились, что так и правильно. Все равно они все умрут. Кто в двенадцать, кто в четырнадцать. Одна девчонка из Франции, говорят, дотянула до шестнадцати, но Слава не очень в это верил. Синдром Зайцера работал как мина — при сильном стрессе она срабатывала, и человек моментально умирал. А подростковый возраст — это сплошной стресс.

И тут Славка понял, что он будет первым, кто ушел из «Минус один» не в могилу, а просто так.

Он выздоровел.

Вернее, он был здоров все это время.

Тупая апатия сменилась лихорадочным оживлением. Промахиваясь мимо букв виртуальной клавиатуры, Славка набрал: «Нарол я здороа!!!!» — и выложил в группу. Это показалось ему таким прикольным, что он рухнул на пол и принялся хохотать.

Когда вернулся папа, Славка валялся и икал от смеха. Папа перепугался и бросился к нему:

— Тебе плохо? Ты чего?

Но Славик только повторял:

— Я здоров! Ик! Прикинь! Я здоров!

Папа сел рядом с ним, и они принялись хохотать в два горла.

*

Ира плакала. Надя увидела это сразу: в комнате, где собрались мамочки «зайчиков», стена была прозрачная. Сегодня все пятнадцать детей, выбранных в экспериментальную группу для испытания свежепридуманного лекарства, прошли обследования. Сегодня же их разбили на два потока — одни получают лекарство, другие — плацебо.

Все, естественно, молили о лекарстве, особенно Ира. Ее Юре тринадцать, они со Славой самые старшие из приехавших. Собственно, на грани: каждый день рождения как последний. Все вокруг — иностранцы: две семьи

израильтян, одна пара из Канады, еще одна из Новой Зеландии, остальные — европейцы. Надя вспомнила, что только вчера Ира жаловалась: израильтяне наверняка стоворились, и «их» обязательно возьмут в группу с лекарствами, а «нам» ничего не светит, потому что тут «все схвачено». Сергей пытался вставить слово, но Ирка была неумолима, голос разума до нее не мог достучаться.

Она работала юристом-фрилансером, с профессиональной хваткой выбила половину стоимости лечения Юры из какого-то регионального фонда, вторую половину — из клиники, но все равно считала, что все вокруг пытаются ее обмануть и на ней заработать. Ирка почти не говорила по-английски, не понимала, что происходит вокруг нее, и ужасно нервничала. Юра английский понимал хорошо, но был с мамой в отвратительных отношениях. Он не хотел ехать в Израиль, он не хотел лечиться. Он все время говорил, что хочет просто лечь и побыстрее умереть. Ирка тогда сразу начинала плакать. Вот как сейчас.

Надя минутку потопталась в коридоре, сделала несколько глубоких вдохов, представила, как войдет в комнату и скажет: «Hello, my child is healthy!»², представила себе перекошенное Иркино лицо и... Надя не сразу осознала, что бежит, причем бежит по лестнице вверх.

На десятом этаже медицинского центра, на застекленной террасе, было очень красивое кафе. С шикарным видом на пустыню.

— Coffee? — спросила девушка за стойкой.

Надя кивнула. Девушка скользнула по ней озабоченным взглядом и поставила на стойку стакан воды.

— Are you okay?³

— My child is healthy... — прошептала Надя и разрыдалась.

*

Парень, который надевал на Славку акваланг, оказался русскоговорящим негром. Очень лихо русскоговорящим.

— Ты чего, — спрашивал он, подгоняя лямки, — ни разу с аквалангом не нырял?

— И без акваланга тоже, — буркнул Слава.

— Ну ты ваще... — Парень помотал головой в изумлении. — Тогда я тебе завидую. Первый раз — самый суперский!

— Точно! — подтвердил папа. — А фотки заказать можно? Маме отдадим для ее альбомов... Нет, новый заведем! «Славка — здоровый лось»!

К вечеру Славик еле волочил ноги. Папа, казалось, не замечал, что сыну все эти ныряния, гонки на квадроциклах и океанариумы не в радость.

— Теперь тебе все можно, представляешь?! — повторял он восторженно.

Славка восторгов не разделял.

— Я есть хочу, — сказал он, когда папа потащил его в обсерваторию.

На самом деле Славка хотел просто спокойно посидеть и отдышаться. Но вышло все как нельзя лучше. Они не стали возвращаться в номер с диетической едой в судочках, которую мама готовила без грамма специй и тщательно посчитав калории. Папа, заявив в очередной раз: «Теперь тебе все можно!» — повел его в какой-то ресторанчик.

Впервые в жизни Славка попробовал бургер. И колу. И острый салат. И какую-то необыкновенную рыбу. Это было очень вкусно.

Но недолго.

Пока его тошнило в туалете гостиничного номера, мама снаружи отчитывала папу:

— У тебя что, совсем мозгов нет? Нельзя вот так сразу, без перехода! И нагрузка, и еда...

— Да ладно, — неубедительно возражал отец, — что с ним будет? Здоровый парень!

«Я — здоровый парень», — повторял про себя Славка, обнимая унитаз.

Он никак не мог привыкнуть к этой мысли.

*

— Я хочу домой, — в третий раз повторил Славик.

Он лежал на кровати с холодным компрессом на голове. Живот болел, ноги гудели, жгло обгоревшие икры. Вчера они возвращались домой спиной к солнцу, и всё — ноги ниже шорт в волдырях.

— Послушай, — горячился папа, — мы же уже здесь, мы оплатили перелет, давайте махнем в Иерусалим, а потом на Мертвое море! Надь, мы четырнадцать лет дома просидели, ну давайте уже оторвемся!

— Я хочу домой, — сказал Славик, не меняя интонацию.

Надя поправила компресс у него на голове.

— Да это же акклиматизация! — сказал Сергей. — Еще сутки, и будешь как огурец!

Слава закрыл глаза. Надя вздохнула.

Сергей посмотрел на них с отчаянием, потом сделал странный жест рукой, нечто среднее между «ай, гори оно все огнем» и попыткой дать в морду кому-то виртуальному, развернулся и выскочил из номера.

— Пить, — тихо попросил Славка, и у его губ немедленно оказался поильник.

— На завтра есть места в самолете, я уже проверяла, — сказала мама, — сейчас папа проветрится, мы перерегистрируем билеты и послезавтра будем дома.

Славик улыбнулся. Больше всего на свете сейчас ему хотелось оказаться на привычном диване с привычным ноутбуком на коленях.

— Ты где хочешь сидеть? — спросил папа, когда они вошли в салон. — В окошко смотреть? Или возле прохода?

Славик выбрал окошко. Раньше его сажали у прохода, «чтобы мальчик не испугался высоты». На самом деле высота оказалась совсем нестрашной. Самолет взлетел слишком быстро. Горы, пустыня, зеленые кусочки поселений — все выглядело ненастоящим, нарисованным. Почти сразу Славик задремал. Проснулся от толчка (самолет попал в турбулентность), но глаза не открыл. Сейчас ему неохота было ни с кем общаться. Тем более что родители выясняли отношения.

— ...нет, верну! — тихо говорил отец. — Если бы не... ситуация, я бы от них рубля не взял бы!

— Но мы же часть уже потратили! — шепотом возмущалась мама. — Перелет, гостиница, консультация!

— Возьму кредит... Но деньги им отдам. И заставлю вернуть мне сайт!

— «Сайт», — сказала мама таким тоном, что стало понятно: «сайт» находится в одном смысловом ряду со словами «бирюльки» и «блажь».

Славик сразу вспомнил, как мама закатывает глаза, когда папа запирается на балконе с ноутбуком, чтобы «опять писать этот сайт». Папа, видимо, тоже вспомнил мамино бухтение по этому поводу, потому что продолжил с обидой в голосе:

— Между прочим, это самый посещаемый ресурс города... Один из!

Мама ничего не ответила, только протяжно вздохнула.

— Ладно, — примирительно сказал папа, — чего ты! Думай позитивно! Теперь у тебя столько времени появится. Ты же давно собиралась мебель перетянуть. И вообще, домом заняться!

— «Перетянуть», — в мамином голосе звучала усталость. — А на какие деньги, если ты сайт свой хочешь назад выкупить?

— Не пропадем! — уверенно ответил отец. — Буду халтуру искать, книгу опять кому-нибудь настрочу... И на мебель хватит, и тебе на всяких маникюрщиц-визажисток.

— Я такая страшная?! — шепотом возмутилась мама.

— Да нет! Просто теперь ты можешь собой заняться...

— Некогда мне заниматься собой! — отрезала мама. — У Славика сейчас тяжелый переходный период! Я должна быть рядом с ним.

— Наоборот! — убежденно ответил папа. — Чем меньше будешь над ним трястись, тем быстрее он в колею войдет. С завтрашнего дня будет жить нормальной жизнью. И в школу будет ходить каждый день, как все!

Тут подошла стюардесса с едой, и беседа прервалась. Славик жевал курицу и думал, что к такому его жизнь точно не готовила — каждый день в школу. Он семь лет появлялся в классе только на проверочные занятия, да и с них мог легко слинять, изобразив легкое головокружение. Учителя панически боялись, что он умрет прямо на их уроке, поэтому лично сопровождали «больного мальчика» до медсестры.

А теперь, значит, каждый день.

«Ну и чего хорошего в вашем выздоровлении?» — мысленно выругался Слава.

Правда, дома, когда Славик как следует выспался, мир стал видеться ему в другом свете. Перед ним вдруг открылась совершенно головокружительная перспектива — жизнь.

Не то чтоб Слава до этого постоянно думал о смерти — нет; когда всю жизнь она ждет тебя за поворотом, о ней не думаешь, тем более что Славка точно знал: умрет он быстро и без мучений. Но внезапно Слава понял, что никогда не думал о жизни, то есть о жизни как о долгом процессе, в котором можно строить планы.

Слава пялился в ноутбук, лежа на диване, и обалдевал от возможностей. Реклама, на которую он никогда не обращал

внимания, стала выпрыгивать из контекста и нагло мозолить глаза. Пицца! Курсы иврита! Отель в Эйлате! В рекламе отеля длинноногая блондинка стояла у двери на террасу, а за ее спиной был виден номер с огромной кроватью. Славик нервно сглотнул. Еще неделю назад он точно знал, что в его жизни никогда не будет такой девушки, такого номера и вообще ничего «такого». В чате «Минус один» была дежурная шутка — собраться тем, кто дожил до полового созревания, заняться сексом и всем умереть — красиво и одновременно. Но это было равносильно полету на Марс. И собраться невозможно — за всеми круглосуточный надзор, и секс с их диагнозом равносильно самоубийству. Да и доживали до нужного возраста единицы.

Славик не мог отвести взгляд от рекламы отеля. Было очень страшно начать мечтать. В голове совершенно не помещалось то, что теперь он может...

Тут Славку окончательно переклинило, он вскочил, чуть не уронил компьютер, треснулся коленкой о стол и взвыл. Порадовался, что мама вышла в магазин, заметался по коридору, смахнул с полки свой GPS-браслет. С этим браслетом он не расставался с тех пор, как это чудо техники появилось в продаже, — мама всегда знала, где он, даже если он шел в школу за три дома. Мама отслеживала его пульс и давление, мама в любой момент могла включить громкую связь, чтобы послушать, что происходит вокруг него. А как же иначе? С его диагнозом...

Слава чуть не швырнул браслет в стену, но сдержался. Аккуратно положил его на полочку... и заметил на ней несколько купюр. Раньше он пользовался деньгами только в школьном буфете, где строго проинструктированная мамой буфетчица продавала Славiku исключительно обезжиренный йогурт, воду без газа и сухие крекеры.

Слава схватил деньги, ключи от квартиры и вышел. Первый раз совершенно самостоятельно. Без присмотра. Без наблюдения. Руки немного тряслись, а в голове был легкий туман.

*

Славик шагал куда глаза глядят. Как специально, глаза глядели в основном на встречных девушек в коротких юбках. И на уходящих вдаль девушек в обтягивающих джинсах. И на проходящих мимо девушек в коротких маечках. По случаю августовской жары в одежде царил минимализм. Слава

пытался смотреть строго под ноги, но кончилось это столкновением с рекламным щитом.

«Да чего я? — разозлился Славка. — Надо просто подойти и познакомиться! И угостить чем-нибудь в кафе. И...» Что будет после последнего «и», он не мог придумать. В висках начинало колотить так, что уши глохли. Слава решил осуществить план немедленно. «Цель» сидела на скамейке и читала телефон. Была она темноволосая и компактная, как Дюймовочка-переросток.

Славка сел рядом и сказал, глядя в пространство:

— Привет!

Девушка покосилась на него, но не ответила.

Славка облизал пересохшие губы и сказал чуть громче:

— Как дела?

На сей раз не было даже косого взгляда. Славка повернулся к девушке и спросил обиженно:

— Что, трудно ответить?

— Ой, ты мне? — удивилась она. — А я думала, ты в гарнитуру! Привет!

— Я хочу тебя... — голос Славки дрогнул, — угостить. В кафе. Кофе.

Девушка трижды моргнула. И расхохоталась. Славке очень захотелось раствориться в воздухе.

— Ах ты зайка мой! — произнесла девушка, вытирая слезы. — Тебе лет-то сколько?

— Шестнадцать, — пробурчал Славик.

— Двенадцать? — уточнила хохотушка.

— Четырнадцать, — согласился он.

— Понимаю, — кивнула она, — сложное время. Слушай...

И девушка доверительно наклонилась к Славке:

— ...если тебе просто перед пацанами похвастаться — так хвастайся! Скажи, что познакомился, уговорил... ну и так далее. Подробности можешь в интернете глянуть.

Глаза у нее лучились таким искренним сочувствием, что Славе захотелось даже не раствориться в воздухе, а взорваться, уничтожив все вокруг: себя, эту наглую девку, всех свидетелей его позора...

Он пришел в себя оттого, что его поймали за руку — крепко и профессионально.

— Стой, говорю! — рявкнул полицейский. — Нарушаем, значит? И убегаем?

Славка сквозь слезы осмотрелся. Кажется, он попер через дорогу в совершенно неполюженном месте.

— Ну что, вызываем родителей, нарушитель? — продолжал сержант, не отпуская руку.

— Не надо родителей. — Славику даже не пришлось добавлять страдания в голос, у него сейчас этого страдания было полное горло. — Им и так сейчас...

И Славик вывалил на полицейского трагическую историю. Оказывается, только пришли анализы. У него синдром Зайцера... Это страшная болезнь... Нет, не придумал, можете погуглить! И лекарства нет... У папы инфаркт случился, мама сейчас у него. Если она узнает, что и Славка из дому сбежал — у нее тоже будет инфаркт. Или инсульт. Нет, недалеко — вот его дом, подъезд второй, квартира сорок восьмая. Отпустите, пожалуйста! И... вот, у меня осталось немного карманных денег, зачем они мне теперь...

Открывая дверь подъезда, Славик обернулся: полицейский пристально следил за ним издали. Слава слабо улыбнулся и помахал ему рукой. Полицейский вздрогнул и неожиданно отдал честь. Несмотря на все пережитое, Славке стало безумно смешно, и он юркнул в подъезд.

*

Дверь квартиры открылась рывком, как только Слава вставил ключ в замок. Он еле успел отдернуть руку, чтобы не оторвало палец. Даже успел вскрикнуть:

— Ты чего?

А потом застыл с открытым ртом и вытаращенными глазами. Сначала мама кинулась к нему на шею. Потом она швырнула в него телефоном. Потом она разрыдалась.

— Ты чего? — спросил он еще раз.

Тут из-за спины раздался голос отца, совсем без эмоций:

— Где ты был?

— В магазине, — ответил Слава.

— Почему без браслета? — спросил отец.

— А зачем? — парировал Слава. Страх отступил, начала накатывать волна раздражения.

— А телефон почему не взял? — все так же сухо поинтересовался папа.

— Забыл, — с вызовом ответил Слава.

И это была правда, он действительно забыл про телефон. Из комнаты раздавались мамины рыдания. Папа, не разуваясь, отправился на кухню, налил стакан воды и пошел в комнату.

Слава остался в коридоре и слышал, как мама, захлебываясь слезами, рассказывала, что была уверена, что Славика уже нет в живых, что он специально оставил браслет и телефон дома, чтобы она не смогла даже найти тело.

— Надя, — начал ее уговаривать папа, — успокойся. Нам нужно привыкать к тому, что у нас здоровый подросток. И он будет гулять, пропадать, с девушками встречаться. Курить попробует...

— Что ты несешь! — возмутилась Надя.

— Послушай, ему четырнадцать лет, ему столько нужно успеть попробовать...

— Ты еще ему это расскажи!

Папа вздохнул и вышел в коридор. Слава смотрел исподлобья.

— Значит, так, — сказал Сергей, — браслет можешь не носить, но телефон всегда должен быть при тебе, понятно?

— Я не маленький, — начал возмущаться Славик, но папа его перебил.

— Это не обсуждается, — сказал он, — маме нужно привыкнуть, а я не смогу каждый раз срываться с работы, когда ты решишь прогуляться. А теперь иди и извинись.

Славка попытался выдержать папин взгляд. Папа смотрел спокойно, без выражения, но почему-то захотелось убежать и спрятаться. Слава опустил голову и пошел в комнату.

— Извини, — сказал он глухо. — Я буду брать с собой телефон. Не привык просто.

Мама не отвечала. Она сидела, закрыв лицо руками, и всхлипывала. Славика захотелось обнять ее, а потом самому залезть маме под мышку. Там всегда было спокойно и безопасно.

Но мама горько плакала.

Раньше она никогда не плакала. Может быть, когда он был в школе, она и давала волю слезам, но Славик ни разу этого не видел. Ведь его нельзя было расстраивать. А теперь можно.

Он развернулся и ушел к себе в комнату. Там он лег на кровать в одежде и лежал. Знал, что сейчас придет мама, наверное, отругает. Теперь ведь его и ругать можно, теперь он от этого не умрет.

Славик незаметно для себя задремал. Проснулся от голосов за дверью.

— Куда? — это папа.

— Спать, — мама. Голос уже не дрожит.

— Больше ты у Славика в комнате не спишь. Теперь он сам. А у нас есть своя спальня.

Повисла пауза. Слава прислушался. За дверью происходила какая-то возня, потом раздался тихий чмокающий звук, и мама попросила:

— Не тут.

Родители ушли, а Славик все пытался понять, что за причмокивание он услышал. Уже проваливаясь в сон, понял — родители поцеловались. Или папа поцеловал маму?

*

Директор местного медиахолдинга господин Климов смотрел на выложенные перед ним стопки купюр с брезгливым интересом, как турист в Китае на блюда местной кухни, которые еще слегка шевелятся.

— Это пока только сто тысяч, — сказал Сергей. — Все остальное верну позже... Как только клиника вернет.

Климов перевел взгляд на посетителя. Выражение лица у него не поменялось.

— Но вы сегодня же возвращаете мне контроль над моим сайтом! — заявил Сергей. — Прикажите вашему админу сообщить мне все новые пароли. И на управление сайтом, и на доменное...

— Сережа, — наконец подал голос хозяин кабинета, — вали отсюда. Мне работать надо.

— Сделка отменяется. — Сергей ткнул пальцем в деньги. — Это мой сайт. Авторский! Это нарушение всех законов...

— Надо же! — перебил его хозяин кабинета. — Законы вспомнил... А когда ты у меня деньги выпрашивал, чё-то как-то не вспоминал ни про какие законы. Забрал мешок кэша и уволок с благодарностями. И налоги небось не заплатил. Не заплатил, нет?

Сергей понял, что возразить ему нечего.

— Нет, — пожал плечами Климов, — если тебе так охота, деньги можешь оставить. Но сайт я тебе все равно не верну.

— Почему?

— Не хочу.

Сергей сжал зубы и принялся молча забрасывать купюры в портфель.

— Кстати, о законах, — добавил Климов. — Ты не забыл, что не имеешь права разглашать детали договора? А то

влетишь на такие штрафы, что квартиру продавать придется. Ничего личного, чисто по закону.

*

«Слава, привет! — написала Ника. — Ты жив?»

Слава улыбнулся. Хотел написать: «Нет, я умер», но вовремя спохватился. В их компании такими вещами не шутили.

«Вроде да», — ответил Славик.

«Уфф! А то в группе пишут, что ты умер».

Слава зашел в группу — и действительно наткнулся на ветку обсуждения его, Славика, смерти. Усмехнулся, написал: «Вы чего, с дуба рухнули? Тут я, живой!»

Тут же отписался Нике: «Все норм. Они дураки».

Ника была его неофициальным куратором, человеком, которому он мог написать в любое время дня и ночи. Собственно, и писал. Лет с десяти.

Ника ничего не ответила. Это было странно. Слава привык, что она реагировала мгновенно в любое время дня и ночи.

«Ау?» — написал он.

Ноль реакции.

«Ты чего?»

Опять ничего.

Решил заглянуть в «Зайчиков» и обнаружил, что из группы его выбросили.

Это уже становилось совсем не смешно.

Слава бросился писать в личку отдельным «зайчикам», но кто-то вообще не отвечал, кто-то моментально банил, а кто-то ругался черными словами. Только Юра ответил относительно нормально: «Это точно ты?»

«А кто?!» — решил не пожалеть восклицательных знаков Слава.

«5 сек.», — написал Юра и пропал надолго.

Слава в панике написал Нике: «Что там у них происходит? Почему молчишь?!»

Через томительную паузу она ответила: «Я не знаю, кто вы, но прошу не отвечать от имени Славы. Это жестоко и непорядочно. И удалите, пожалуйста, его аккаунт. Хотя бы из уважения к чувствам родственников».

«Ника!!!!!! — теперь сообщения Славы состояли почти исключительно из восклицательных знаков и ростных

смайлов. — Ладно они идиоты!!! Но ты!!!!!!! Это я! Я! Я СЛАВА!»

«Я уточнила, — тут же ответила Ника. — Вячеславу Веселову в лечении отказано. Я знаю только одну возможную причину отказа в лечении в клинике Зайцера — смерть. Ставлю вас в известность, что я уже пишу жалобу администратору социальной сети с требованием удалить учетную запись умершего человека».

Слава чуть не взвыл. Не хватало, чтобы его забанили навечно! То есть он, конечно, потом заведет новый аккаунт, но как он будет общаться с другими «зайчиками»? А с Никой?

Слава смотрел на фотографию Ники в мессенджере. Она улыбалась. У нее был вздернутый носик и светлые волосы. Раньше он не видел в ней живую девушку, она была ему как мама, а теперь все изменилось.

Славка понимал, что счет пошел на секунды. Надо было доказать им всем, что он живой. Хотя бы Нике. К счастью, на глаза попало стеклышко веб-камеры ноутбука. Он записал короткое, но выразительное видео, в котором обозвал всех придурками и паникерами.

— Я живой, ясно! — почти кричал Славка в микрофон ноута. — И Ника, слушай, ты хоть ерундой не страдай!

Он отправил видео Нике и Юре.

Судя по всему, Ника его даже досматривать не стала, потому что написала через десять секунд: «Извини! Просто было очень похоже, что кто-то пишет за тебя!»

Славка выдохнул.

«Но почему вам отказали в лечении? — продолжала Ника. — Что сказал Зайцер? Тебе нужна помощь?»

Славик пялился в экран и чувствовал себя свиньей. Ника волнуется. Надо как-то объяснить... Но буквы не складывались в слова, а слова в предложения. Уж слишком фантастичной выглядела вся его история.

«А ведь она в нашем городе живет», — подумал Славик.

Раньше это было не очень важно: хоть в одном городе, хоть на другой планете. Но теперь...

«Ника, мы можем встретиться?» — написал Слава.

Теперь задумалась Ника, а Слава не сводил глаз с экрана.

Но вместо Ники отозвался Юра: «Извини, чувак! Я сказал им, чтобы тебя назад пустили, но все уперлись».

Слава ограничился коротким «Ок» и снова уставился на монитор. Наконец пришло сообщение от Ники: «А мама может тебя ко мне привезти?»

Слава шумно выдохнул и понял, что не дышал, пока ждал ответа.

«Я теперь могу сам», — написал Слава и тут же удалил. Этот ответ предполагал серию вопросов и ответов, а он так не хотел. Он хотел приехать к Нике с цветами и сказать, что он теперь здоров. И позвать ее в кино. А там, в кино, обнять. Это же Ника, они столько лет знакомы, она не будет над ним издеваться. Она за него порадуется.

«Скажи мне адрес», — написал Слава.

«Советская, 34-51. Завтра в любое время, только предупредите за час».

Славка чуть не подпрыгнул от счастья. Жизнь налаживалась. Здоровым быть круто! Завтра у него свидание с девушкой!

Следующее утро Слава провел активно. Мама по-прежнему обижалась, но теперь это его не особо раздражало. Тем более что мама с головой ушла в любимое хобби — расклеивала последние фотографии по альбомчикам.

Вот папа доставал своими вопросами: «Чем думаешь заняться сегодня? А может, записать тебя в какую-нибудь секцию с сентября?» и прочей ерундой. Чтобы отвязаться побыстрее, Славик кивал и поддакивал. Папа радовался.

Папа ушел, довольный собой. Слава включил ноутбук и принялся гуглить адрес Ники. Маршрут оказался несложный: одиннадцатым автобусом до остановки «Рынок», потом пересесть на шестой троллейбус — и до конца.

Первая неожиданность ждала в автобусе. К нему сразу же подошла тетенька с сумкой через плечо и потребовала билет. Пришлось покупать, путаясь в мелочи. Потом выяснилось, что остановок никто не объявляет. То есть время от времени водитель что-то бормотал в микрофон, но дешифровать его бормотание не удавалось. Славик пытался на глаз определить, какая из остановок может называться «Рынок», но не сумел. Тогда он собрал волю в кулак и спросил у кондукторши.

— Так проехали уже! — удивилась она. — Две остановки назад. Там еще парк такой был.

Славка выскочил на ближайшей остановке и попытался сориентироваться. Навигатор на телефоне предлагал что-то сложное: вернуться, потом два раза перейти дорогу, потом все-таки сесть на троллейбус, но уже почему-то не на шестерку, а на семнадцатый. И ехать не до конца, то есть

снова придется спрашивать, где выходить. Славик впал в отчаяние, но, к счастью, промахнулся по кнопке и нажал на вариант «Пешком». Навигатор прочертил маршрут всего с одним поворотом и написал: «4,5 километра, 52 минуты».

«Я же должен был за час предупредить!» — вспомнил Славик и набрал сообщение Нике. Она ответила пульсирующим сердечком, от которого и Славино сердце забухало. Он выставил перед собой телефон и зашагал по улице.

*

Сказать, что Слава устал, — ничего не сказать. Ему и раньше в ВК попадались демотиваторы «Жизнь — боль», но он думал, что это такой стёб. У здоровых людей такой своеобразный юмор. Несмешной. Но сейчас, когда ноги стерты в кровь, правую икру сводит судорогой, а в левом виске пульсирует, вся эта «жизнь — боль» не казалась преувеличением.

На подходе к дому Ники Слава вспомнил, что собирался купить букет, но ларек с цветами виднелся на противоположной стороне дороги, а о том, чтобы пройти лишние двести метров, не могло быть и речи. А тут еще начала названивать мама и кричать, что она по голосу слышит, что с сыном «что-то не так», и что она «немедленно за ним выезжает».

— Куда? — успел спросить Слава, и телефон выдал предупреждение о том, что зарядки осталось совсем мало.

Слава отключился и чуть ли не бегом, хоть и хромяя на обе ноги, кинулся к дому номер тридцать четыре, понимая, что телефон — это его единственная связь с миром. Маме отписался: «Я перезвоню», нажал кнопку домофона, услышал Никино: «Пятый этаж» — и на подгибающихся ногах отправился к лифту.

Дверь в квартиру была открыта. То есть Слава сначала позвонил, потом постучал и только потом догадался повернуть ручку двери.

— Заходите! — крикнула Ника из комнаты.

Слава вошел. Потоптался в коридоре.

— Я здесь! — крикнула Ника. — Дорогая мама Славы, извините, я не знаю, как вас зовут.

— Я один, — сказал Славик.

То есть просипел. Попытался откашляться. И пошел на голос. Собственно, вариантов, куда пойти, не было:

от входной двери шел только один широкий проход.

Ника сидела в кресле у компа.

— В смысле, один? — спросила она.

Она была очень похожа на свою фотографию — волосы, глаза. Славик остановился, не зная, что сказать.

— Мама в машине осталась?

— Я один, — повторил Слава и попытался сбивчиво объяснить, что ехал на автобусе, а потом шел.

— Мама знает, где ты? — тут же спросила Ника.

— Телефон зарядить, — выдавил из себя Слава, — надо мне.

Все шло не так, как он хотел. Надо было все-таки купить цветы, тогда было бы куда девать руки, тогда можно было бы их подарить, тогда можно было бы сказать, что красивые цветы дарят красивым девушкам. Слава мысленно увидел, как он стоит на одном колене у ног Ники, а она, счастливая, принимает у него букет цветов. Слава сделал шаг к выходу.

— Ты куда? — испугалась Ника.

— За цветами, — выдавил из себя Слава.

— Славик, стой, пожалуйста, стой, — взмолилась Ника, лихо развернулась на кресле и подъехала к нему. — Давай я тебе дам воды, а ты мне все спокойно расскажешь. Сядь. Дай мне телефон.

Слава сел и дал телефон. Подчиняться командам было просто.

Ника подъехала обратно к компьютеру и воткнула шнур в телефон.

— Как хорошо, что теперь зарядки универсальные, — сказала Ника. — Слава, давай все-таки маме позвоним. Если не дай бог что, я даже помочь не смогу.

«Почему?» — собирался спросить Славик, но поперхнулся словами.

Он вдруг увидел Нику. Целиком. На кресле с большими блестящими колесами. Плед на ее коленях — несмотря на жару.

Славик попятился.

— Слава, — испугалась она, — тебе плохо? Я вызываю скорую!

Он развернулся и побежал.

Затормозил на первом этаже. Надо было забрать телефон. Мелькнула мысль: «Да плевать на телефон», но ее тут же прогнал страх. Как вернуться домой? Как объяснить маме, где телефон? Что вообще делать теперь?

Он все-таки вышел из подъезда, сел на скамейку и закрыл глаза. Он представил себя Питером Пэном. Он умеет летать и сейчас улетит отсюда! Вот только посидит немного, отдохнет. А потом легко оттолкнется от земли и поплывет над ней. Это был его любимый сон и любимая игра в реальности, которую Славка научился превращать в сказку. Надо только закрыть глаза поплотнее и не обращать внимание на звуки вокруг.

Он не знал, сколько времени прошло, когда рядом с ним на скамейку опустилась мама.

— Как же ты так? — спросила она совсем без упрека.

Славка повернулся и уткнулся ей в плечо.

— Мне Ника позвонила, — объяснила мама. — Она уже неотложку вызвала, пришлось отменить. Я ей объяснила, что ты... что уже не надо скорую.

Они помолчали. Потом мама осторожно поцеловала его и попросила:

— Посиди тут минутку, я за телефоном.

В такси они сели на заднее сиденье, и Славик лег к маме на колени. Мама гладила его по голове. Славе было хорошо.

*

Славка попытался вернуться в группу «Зайчики», отправил заявку, но его не пустили.

Общался в личке с Юркой, который ныл, что в Израиле невыносимо, что лечение достало, что вокруг одна мелюзга, что поговорить не с кем и что все равно надежды нет, впереди — мрак. Славка с удовольствием ему поддакивал. У него впереди тоже, кроме мрака, ничего не было.

Мама снова хлопотала над Славой — но уже не так панически реагировала на каждый чих сына. И спал он в своей комнате один. Он послушно выполнял все ее поручения, тем более что были они несложными: одеться правильно, есть правильно, смотреть правильные фильмы и читать правильные книги. Мама за это не возражала против того, чтобы Слава подолгу сидел за ноутбуком. Если, по ее мнению, он слишком увлекался, приказывала сделать перерыв. Он послушно шел к себе в комнату «читать» и продолжал лазить по сети с телефона.

Мама совсем успокоилась, подолгу с ним разговаривала. Рассказала, кстати, про Нику. Оказывается, Ника попала в аварию, когда ей было семь лет. Заснула на заднем сиденье, а когда проснулась в реанимации, узнала, что ходить не будет

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru